

ЕВРЕЙСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КИЕВА В КРОВАВОЙ ШУТКЕ
ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА

ŻYDOWSKI WYMIAR KIJOWA W KRWAWYM ŻARCIE
SZOLEMA ALEJCHEMA

THE JEWISH DIMENSION OF KIEV IN *THE BLOODY HOAX*
BY SHOLEM ALEICHEM

Antoni Bortnowski

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań — Polska,
murawski@amu.edu.pl

Abstract: Sholem Aleichem is one of the authors of modern Jewish literature in Yiddish, and most of his works are closely related to the realities of Eastern Europe. In his books the writer presents, among others, images of life of the Jewish community in pre-revolutionary Kiev. His novel, *The Bloody Hoax*, is particularly noteworthy in this case and it has become the main object of research in this paper. The story of the novel mostly takes place in an unnamed city, the prototype of which has become a historical Kiev. *The Bloody Hoax*, the plot of which is largely based on real events, shows the specificity of life of the Jewish community in the big city, and the problems its representative have to face.

Ключевые слова: Шолом-Алейхем, *Кровавая шутка*, Киев конца XIX — начала XX века, еврейская община в дореволюционной России.

Słowa kluczowe: Szolem Alejchem, *Krwawy żart*, Kijów końca XIX — początku XX wieku, społeczność żydowska w przedrewolucyjnej Rosji.

Keywords: Sholem Aleichem, *The Bloody Hoax*, Kiev in the late 19th — early 20th century, the Jewish community in pre-revolutionary Russia.

Личность Шолом-Алейхема (1859–1916) не связана непосредственно с восточнославянским культурным пространством, так как его имя относится однозначно к еврейской литературе. Писатель, правда, создал ряд произведений на русском языке, но, как замечают исследователи, они играют скорее маргинальную роль в его творчестве¹.

Шолом-Алейхем (настоящее имя — Саломон Наумович Рабинович) известен как еврейский писатель, тесно связанный с пространством восточной Европы. Доказывают это его произведения, в кото-

¹ См.: А. Френкель, *Русский писатель Шолом-Алейхем*, „Независимое филологическое обозрение” 2012, № 114, [в:] электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/114> (17.12.2016).

рых представлена картина жизни еврейского населения в Российской империи и ее сложные взаимоотношения с представителями других национальностей. Территория современной Украины (именно там проходит действие большей части произведений писателя) на рубеже XIX и XX столетий представляла собой многонациональное пространство, в котором сталкивались и пересекались различные культурные стихии, прежде всего, доминирующие русская и украинская, но также еврейская, выходящая из вековой изоляции. Процесс развития еврейской культуры, в том числе литературы светского характера, был в России начала XX века довольно динамичным, несмотря на вездесущий антисемитизм (также на государственном уровне). Следует помнить, что только Временное правительство отменило черту оседлости, запрещающую гражданам еврейской национальности проживать за пределами западных губерний Российской империи. Тем не менее еврейская культура в России была окончательно уничтожена советской властью, хотя как раз от нее многие ожидали окончательного преодоления антисемитизма. Именно в XX веке на территории тогдашнего Советского Союза практически исчез идиш, родной язык большинства евреев Восточной Европы (в том числе Шолом-Алейхем). Сложившуюся трагическую ситуацию метко охарактеризовал Мирон Петровский, редактор выходящего в наши дни киевского альманаха „Егупец“: „Исчезновение идиша на территории Украины — результат совместных усилий двух сил: Гитлер убил читателей, Сталин — писателей”².

История современной еврейской литературы на идише была достаточно короткой в момент трагических потрясений XX века. Ее основоположники — это Менделе Мойхер-Сфорим (1836–1917), Ицхок-Лейбуш Перец (1852–1915) и, наконец, Шолом-Алейхем — все они жили и писали, прежде всего, на территории Российской империи. Появление во второй половине XIX века сразу нескольких еврейских писателей, желавших показать на родном языке жизнь простых представителей своего народа, было бы невозможным без спроса со стороны читателей. Он, в свою очередь, появился благодаря переменам в еврейских общинах, которые уже не могли функционировать в полной изоляции. Внешнее воздействие динамично меняющегося общества конца XIX века все сильнее ощущалось в еврейской среде. Рос уровень сознания ее молодых представителей, которые все больше понимали необходимость преодоления

² „Егупец: Городу и Миру” (интервью Михаила Гольда с Мироном Петровским), „Лехаим” 2008, № 2 (190), [в:] электронный ресурс: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/190/gold.htm> (17.12.2016).

вековой изоляции, хотели вникнуть в проблемы своей среды, в том числе с помощью литературы. Молодые евреи все чаще стремились попасть в большие города, дававшие шанс преодолеть нищету и бесперспективность еврейских местечек и одновременно влиявшие на их мировосприятие. Шолом-Алейхем стал одним из многочисленных представителей своего народа, попытавшихся таким образом устроить свою жизнь. В автобиографии *С ярмарки* (1916) писатель затрагивает вопрос стремления молодых евреев в Киев:

Куда направиться бездомному юноше, который мечтает достичь чего-либо в жизни? Конечно, в большой город. [...] В тех краях, где жил наш герой, этим большим городом был прославленный Киев-град. Туда он стремился, туда и попал. К чему, собственно, он стремился и чего искал, трудно сказать определенно, потому что он и сам точно не знал, чего жаждет его душа. Он тянулся к большому городу, как ребенок тянется к луне. В большом городе есть большие люди. Это светлые звезды, которые с высокого безбрежного неба озаряют землю своим сиянием... Великие просветители, знаменитые писатели, одаренные богом поэты, чьи имена пленяют сердца наивных невинных юношей, верных поборников просвещения³.

Киев на рубеже XIX и XX веков стал одним из главных центров еврейской культуры, что подтверждает работа Натана Меира, не случайно названная *Киев. Еврейская метрополия: история, 1859–1914* (*Kiev, Jewish metropolis: A History, 1859–1914*, 2010)⁴. В динамично развивающемся дореволюционном Киеве евреям, ставшим второй по численности национальной общиной (после русских и перед украинцами)⁵, приходилось все чаще входить во взаимоотношения с другими горожанами, что часто вызывало проблемы с четким определением своей идентичности, требовало (особенно от молодого поколения) выработки компромисса между традициями и современностью. Отражением усугубляющихся противоречий во многом стала *Кровавая шутка* (1912–1913). Этот роман на фоне других произведений Шолом-Алейхема наиболее подробно представляет жизнь и традиции киевских евреев, в связи с чем является главным объектом анализа данной статьи. Следует отметить, что в *Кровавой шутке*, как и в других произведениях Шолом-Алейхема, писателя интересует прежде всего жизнь еврейской общины Киева. В тексте романа почти

³ Шолом-Алейхем, *С ярмарки*, [в:] электронный ресурс: <http://www.borisba.com/litlib/sholom/shalom01.html> (17.12.2016).

⁴ Стоит отметить, что книга еще не переведена на русский язык, но в 2016 году вышел ее украинский перевод со значительно, на наш взгляд искажающим смысл заглавием *Євреї в Києві. 1859–1914* (*Евреи в Киеве. 1859–1914*).

⁵ А. Пученков, *Национальный вопрос в идеологии и политике южнорусского Белого движения в годы Гражданской войны. (1917–1919 гг.)*, Санкт-Петербург 2005, с. 57.

отсутствуют описания города в целом, появляются лишь отдельные элементы городского пейзажа и лишь несколько урбанонимов. Безусловно, этот факт подтверждает обособленность евреев, которые общались с другими киевлянами чаще всего только в случае необходимости и старались не включаться в общегородскую жизнь.

Образы большого города, явно списанные с будущей столицы Украины, появляются во многих произведениях Шолом-Алейхема, однако топоним „Киев” встретить можно только в упомянутом автобиографическом романе *С ярмарки*. В большинстве произведений большой город, в который попадают герои Шолом-Алейхема, — это Егупец, то есть Египет на идише⁶. Название метрополии, являющейся „двойником” реального Киева начала XX века, во многом указывает на отношение писателя к городу на Днестре, который, как Египет для древних израильтян, стал для евреев символом пленения и рабства. Киевская реальность конца XIX — начала XX века, безусловно, подталкивала к такого рода аналогиям. Топоним „Егупец” встречается, например, в циклах *Менахем-Мендл* (1892–1903), *Тевье-молочник* (1894–1914), *Касриловка* (1901–1915). На то, что праобразом Егупца стал именно Киев, указывает ряд характерных элементов городского пространства, в том числе урбанонимы. Их можно встретить, например, в письмах Менахем-Мендла, представляющего своей жене жизнь в большом городе:

Когда будешь писать, пиши мне на мое имя в Бойберик⁷, потому что в Егупце мне жить нельзя⁸. Поэтому я целыми днями верчусь на Крещатике возле биржи, а вечером еду в Бойберик. Там живет вся компания биржевиков. Живут на дачах, ночи напролет играют в карты (мужчины и женщины вместе, — такой здесь порядок...). А рано утром все спешат в Егупец, а вместе со всеми и я⁹.

Здание биржи в начале XX века действительно находилось на главной киевской улице — Крещатике, так что указанный фрагмент однозначно подтверждает, с какого города списан Егупец Шолом-Алейхема.

⁶ А. Краснящих, *Шолом-Алейхем*, 2010, [в:] электронный ресурс: <http://litlife.club/br/?b=212788&p=2> (17.12.2016).

⁷ Так в своих произведениях Шолом-Алейхем называет Боярку, дачный городок под Киевом (см. А. Краснящих, *Шолом-Алейхем*, 2010, [в:] электронный ресурс: <http://litlife.club/br/?b=212788&p=15>).

⁸ Евреям без киевской прописки в то время нельзя было даже переночевать в городе.

⁹ Шолом-Алейхем, *Менахем-Мендл*, [в:] электронный ресурс: <http://www.borisba.com/litlib/sholom/mmendl.html> (17.12.2016).

Интересно, что в *Кровавой шутке* не назван ни Киев, ни Егупец, а читатель узнает лишь, что действие происходит в некоем „большом университетском городе“ в черте оседлости. Эта общая информация, однако, намекает читателю именно на будущую столицу Украины. Хотя университетов в черте оседлости было четыре (кроме Киева, также в Харькове, Одессе и Варшаве), но только в Киеве евреи должны были получать „специальное право жительства“, проблемы с которым постоянно возникают у героев *Кровавой шутки*.

Киевские реалии подтверждает также сюжет романа, в котором легко узнаются мотивы известного дела Бейлиса¹⁰, которого в 1913 году судили в Киеве за ритуальное убийство 11-летнего мальчика. В итоге несправедливо обвиненный Мендель Бейлис был оправдан, но громкий процесс все равно стал одним из самых ярких примеров антисемитизма в дореволюционной России.

В *Кровавой шутке* Шолом-Алейхем приводит не только название, но и почти буквальную цитату из газеты, распространяемой в то время в Киеве черносотенной организацией „Двуглавый орел“¹¹:

То была знаменитая газета, носившая громкое название „Двуглавый орел“. Обычно убогий, хулигански-бесстыдный листок ради еврейского праздника принарядился, увеличился в формате и украсил первую полосу большим портретом истерзанного Володи Чигиринского. Под портретом надпись вопила крупным шрифтом: „Помни, православный русский народ, имя умученного от жидов младенца Владимира Чигиринского! Берегите своих детей! 17 марта жидовская пасха...“¹²

Следует отметить, что проблема антисемитизма, ставшая одной из главных тем *Кровавой шутки*, показана писателем не только в сфере „официальной“ дискриминации евреев или деятельности различного рода националистических организаций вроде „Двуглавого орла“, но и на уровне простых киевлян, в том числе из крими-

¹⁰ Следствие и судебный процесс Менделя Бейлиса подробно описывает в публицистическом цикле *Дело Бейлиса* (1913) участвовавший в разбирательстве Владимир Короленко. В последней главе *Кровавой шутки* в суде появляется персонаж, в котором легко (в том числе по прическе) узнается знаменитый писатель:

Все они окружают высокого человека с львиной головой. Ему пожимают руки, заглядывают в глаза, расточают любезности... Это — столичная знаменитость, Цицерон наших дней, адвокат-громовержец.

¹¹ Шолом-Алейхем изменил имя и фамилию жертвы (Андрей Ющинский), см. „Двуглавый орел“ 12.03.1912 г., № 63, [в:] электронный ресурс: https://traditio.wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_%D0%91%D0%B5%D0%B9%D0%BB%D0%B8%D1%81%D0%B0 (17.12.2016).

¹² Шолом-Алейхем, *Кровавая шутка*, [в:] электронный ресурс: <http://www.borisba.com/litlib/sholom/krovsh.html> (17.12.2016).

нальной среды. Попав в отделение полиции, главный герой романа наблюдает сцену, показывающую, что даже среди низов общества евреи подвергались „солидарной” дискриминации.

Особенно поразило нашего арестанта, что „старожилы”, завсегда на полицейского участка, встречали евреев с особенной радостью, с забористым словечком и приветствием, вроде „жидовская морда”, „собака неверная”, „пся крев”, в зависимости от национальности приветствующего¹³.

Данная цитата указывает также на другую интересную черту дореволюционного Киева — судя по последнему „приветствию”, можно сделать вывод, что польский язык в начале XX века воспринимался в киевской действительности как обиденное явление¹⁴.

Кровавая шутка — это один из немногочисленных в творчестве Шолом-Алейхема примеров, где тема антисемитизма в Киеве, в частности, и в России в целом представлена столь резко. Преимущественно Шолом-Алейхем в своих произведениях относится к проблеме тяжелого положения евреев в Киеве со свойственной ему иронией. Даже явно унижающие человеческое достоинство сцены обысков писатель умел представить в романе *С ярмарки* с определенной долей юмора:

О том, чтобы „ревизия” сошла благополучно и чтобы, упаси бог, не обнаружили „запрещенного товара”, заботился сам хозяин заезжего дома. Как же он это делал? Очень просто: хозяин заезжего дома подмазывал кого следует. Он заранее знал, когда нагрянет „ревизия”, и находил выход из положения. „Запрещенный товар” засовывался на чердак, в погреб, в платяной шкаф, в сундук, а иной раз в такое место, что никому и в голову не придет искать там живого человека. Забавнее всего, что, вылезши на свет божий, те самые люди, которые лежали в такого рода тайниках, старались превратить всю историю в шутку, как будто они дети, играющие в прятки, а в худших случаях, вздохнув, утешали себя: „Э, мы переживали времена и похуже, бывали тираны и покруче!”¹⁵

Кроме проблем на „официальном” уровне, в *Кровавой шутке* и в других произведениях Шолом-Алейхема указаны также противоречия между традиционными ценностями еврейской общины и меняющимися принципами поведения все большего числа киев-

¹³ Там же.

¹⁴ Данный факт не должен удивлять, так как, согласно переписи 1919 г., польское население Киева составляло свыше 36 тыс. человек и было четвертой по численности национальной общиной города — см. *Перепись г. Киева 16 марта 1919 г.*, [в:] электронный ресурс: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8745-perepis-g-kieva-16-marta-1919-g-ch-1-naselenie-kiev-1920#page/7/mode/inspect/> (17.12.2016).

¹⁵ Шолом-Алейхем, *С ярмарки*, указ. соч.

лян. Например, в повести *Менахем-Мендл* представлено восприятие приезжим евреем „свободных“ нравов большого города. Главный герой произведения, приехав из провинциального еврейского местечка в Киев (так же как и в свое время молодой Шолом-Алейхем), не очень может понять запутанные межличностные отношения горожан:

Здесь часто случается, что муж бросает свою жену и влюбляется в чужую жену, или жена покидает мужа и влюбляется в другого, а жена того мужа влюбляется в жену мужа той жены, то есть в мужа той жены... Обмениваются, так сказать: мое – твое, а твое – мое... Это тебе не Касриловка, это Егупец...¹⁶

Среда большого города неминуемо вела к столкновению традиционных убеждений о семейной жизни с постепенной либерализацией нравов. Это касалось также еврейской среды, несмотря на ее достаточно консервативный характер. В *Кровавой шутке*, Шолом-Алейхем показывает, что еврейская девушка, вопреки традиционным убеждениям, может влюбиться в русского парня. Вместе с тем, на примере героини романа писатель дает понять, что даже любовь не была (и не должна была быть) достаточным поводом для еврея, чтобы выйти за пределы своей среды. Сильная и независимая Бетти принимает единственно правильное, по мнению Шолом-Алейхема, решение и бросает русского героя *Кровавой шутки*, выходя замуж за его еврейского приятеля. В ответ на письма все еще любящего ее Григория „она пыталась доказать ему, что то, о чем он пишет, было бы безумием: лежащую между ними пропасть ни она, ни он не смогут перешагнуть“¹⁷.

В *Кровавой шутке* Киев в целом показан как место разврата, что также явно не было аргументом в пользу большей вовлеченности еврейской общины в общегородскую жизнь. На страницах романа появляется даже фигура, которая могла бы успешно вписаться в куприновскую *Яму*¹⁸:

[...] сильно накрашенные щеки, жидкие кудряшки под смятой шляпкой и низкий лоб, из-под которого глядели маленькие голубоватые глаза. Выпятившийся жесткий корсет не скрывал отвислой груди и подложенной ваты... Женщина распространяла какой-то удушливый смешанный запах гелиотропа и йодоформа¹⁹.

¹⁶ Шолом-Алейхем, *Менахем-Мендл*, указ. соч.

¹⁷ Шолом-Алейхем, *Кровавая шутка*, указ. соч.

¹⁸ Действие повести Александра Куприна *Яма*, так же как и *Кровавой шутки*, проходит в неназванном городе, во многом напоминающем Киев.

¹⁹ Шолом-Алейхем, *Кровавая шутка*, указ. соч.

После встречи с „уличной феей“²⁰, как называет арестованную проститутку повествователь, главной героине не перестает казаться, что и само городское пространство пропитано запахом разврата, дешевыми сладкими духами и популярным в публичных домах антисептиком:

Бетти сидела в пролетке между двумя надзирателями, и ей казалось, что вся улица пропитана странным тошнотворным запахом смеси гелиотропа и йодоформа...²¹

Впечатления героини *Кровавой шутки* не удивляют в контексте высказываний киевоведов, согласно которым духовную столицу Русской империи на рубеже XIX и XX веков называли „городом церковей и борделей“²².

Шолом-Алейхем показывает в *Кровавой шутке*, что в большом городе, несмотря на некую изоляцию, еврейская община все равно подвергалась воздействию „внешнего“ мира, хотя касалось это прежде всего богатой части молодого поколения. Главной героине, верной традиционным ценностям, в какой-то степени противопоставлены в романе ее двоюродные сестры из зажиточной семьи. Они ведут беззаботную жизнь, ничем не отличающуюся от существования других, нееврейских богатых девушек из высших слоев русского общества. Лето барышни Фамилиант проводили на даче под Киевом, где целыми днями полудремали в гамаках.

Жара и одуряющий запах сосен сомкнули уста словоохотливых барышень Фамилиант, и даже неизменно волновавшая их тема — беседа о последних романах властителя умов, Арцыбашева, — завяла под безжалостным действием солнечных лучей...²³

Шолом-Алейхем не случайно приводит фамилию автора *Санина*, который в последние предреволюционные годы пользовался в России высокой популярностью в интеллигентской среде и одновременно считался многими „пропагандистом аморализма и порнографии“²⁴. На этом основании можно сделать вывод, что богатая еврейская молодежь Киева в большой степени была вовлечена в общерусское культурное пространство.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² А. Красовская, *Киев — столица проституции...! Конца XIX — начала XX веков*, [в:] электронный ресурс: http://www.chaskor.ru/article/kiev-stolitsa_prostitutsii_kontsa_xix_-_nachala_xx_vekov_38192 (17.12.2016).

²³ Шолом-Алейхем, *Кровавая шутка*, указ. соч.

²⁴ *История русской литературы XX — начала XXI века. Учебник для вузов в трех частях*, ч. I: 1890–1925 годы, под ред. В. Коровина, Москва 2014, с. 91.

Вместе с тем зажиточные евреи подвергаются в романе Шолом-Алейхема критике, так как забывают о чувстве солидарности и теряют свою идентичность. Раскол в еврейской общине Киева особо заметен накануне очередного (к счастью, несостоявшегося) погрома.

[...] Все улицы, ведущие к вокзалу, были запружены евреями, женщинами и детьми, образовавшими бесконечную очередь за билетами. Выстоять все время не было никакой возможности, и евреи расположились не без комфорта просто на мостовой, у своих узлов и чемоданов, и ни за что не желали возвращаться в город... [...] Несчастные люди даже не подозревали, что богачи в это время колесили уже по Европам и подъезжали — кто к Монте-Карло, кто к Ницце и к другим укромным уголкам, где можно и в рулетку поиграть, и в картишки перекинуться, и вообще поразвлечься...²⁵

Зажиточные евреи, по мнению Шолом-Алейхема, перенимают также нехарактерные для своей среды схемы поведения. Касается это, например, холодного безразличия по отношению к страданию других. Когда семья Шапиро делится переживаниями за судьбу своего нееврейского соседа, богатая родственница

[...] слушает, плотно сжав губы. Она молчит, но взгляд ее полон укоризны. Она чувствует себя шокированной тем, что ее ближайшие родственники интересуются каким-то русским мальчишкой, пасынком пьяницы...²⁶

Среда большого города, со всеми его искушениями, становится в произведении Шолом-Алейхема угрозой для традиционной еврейской общины. Это касается также упомянутой ранее культурной ассимиляции. В *Кровавой шутке* затронут связанный с данной проблемой языковой вопрос — в русскоязычном Киеве начала XX века евреи, выходя из изоляции, все чаще переходили на речь большинства. „Мало ли нынче молодых людей-евреев, не знающих еврейского языка?“ — спрашивает Бетти в ответ на реакцию матери, удивленной, что квартирант-еврей не знает идиша²⁷. На основании многих сцен *Кровавой шутки* можно сделать вывод, что в начале XX века среди киевских евреев старшего поколения незнание родного языка было чем-то немислимым и одновременно уже не особо удивляло молодежь. Только ведь благодаря такому положению вещей главный герой романа — русский дворянин Григорий Попов — мог, обменявшись документами со школьным другом Гершелем Рабиновичем, успешно выдавать себя за еврея и, даже не зная еврей-

²⁵ Шолом-Алейхем, *Кровавая шутка*, указ. соч.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

ского языка и традиций стать хорошим кандидатом в женихи в глазах родителей Бетти.

Показывая непростые условия жизни евреев в Киеве, Шолом-Алейхем выделяет еще одну проблему, на фоне которой даже потеря евреями языка и враждебное отношение к ним со стороны других горожан не выглядят столь устрашающе. Персонажем *Кровавой шутки*, действиям которого повествователь и другие герои не находят никакого оправдания, стал Лапидус, молодой еврей, перешедший в православие. Отступничество в России до 1917 года было серьезной проблемой для еврейской общины²⁸, считалось тяжелым грехом и опасным явлением, так как часто отказавшиеся от иудаизма становились сторонниками антисемитизма²⁹. Фигура Лапидуса словно подтверждает самые мрачные стороны данного явления. Он не только „старался как можно точнее копировать истого белоподкладочника и как можно менее напоминать собою еврея“³⁰, но также „утверждал на страницах черносотенного листка, что евреи действительно употребляют в пасхальную мацу христианскую кровь“³¹. Пример Лапидуса подтверждает, что, по мнению Шолом-Алейхема, отказ от веры не сделает еврея своим среди не-евреев и ничего хорошего ему не принесет. Герой, спровоцировав своими действиями всплеск антисемитских настроений в городе, в итоге сам стал одной из немногочисленных жертв сорванного в результате призыва губернатора погрома.

Правда, произошло несколько инцидентов, но до того невинных, что на них и внимания не стоило обращать. На какой-то улице еврейскому мальчику вымазали губы свиным жиром; в другом месте выбили несколько стекол. А в одном из боковых переулков сцапали студента с еврейским носом и избивали до полусмерти. Оказалось, однако, что студент крещеный...³²

Выяснилось, что его фамилия — Лапидус, и это необыкновенно обрадовало главных героев *Кровавой шутки*: „— Лапидус? — спросили в один голос Бетти и Рабинович, вскочив с мест, и весело рассмеялись“³³.

²⁸ См. А. Конюченко, *К вопросу о переходе иудеев в православие в дореволюционной России*, „Вестник Челябинского государственного университета“ 2012, № 16 (270); *История русской литературы XX...*, указ. соч., с. 93–98.

²⁹ См. „Отступничество“, [в:] *Электронная еврейская энциклопедия*, <http://www.eleven.co.il/article/13110> (17.12.2016).

³⁰ Шолом-Алейхем, *Кровавая шутка*, указ. соч.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же.

Смех — это элемент, присутствующий во всех произведениях Шолом-Алейхема, вне зависимости от серьезности затрагиваемой им темы. Описания киевской реальности не являются в данном контексте исключением. Даже в самых тяжелых условиях писатель умел увидеть положительные моменты, что, без сомнения, помогало ему с симпатией относиться к Киеву и даже считать его родным городом. Подтверждают это слова Шолом-Алейхема, который 25-летие своей писательской деятельности по состоянию здоровья вынужден был отмечать в Италии. Получив множество поздравительных телеграмм, автор *Кровавой шутки* обратил особое внимание на одну из них — из Киева, — которая, по словам самого писателя, растрогала его до слез. „Это ведь Киев. А Киев — мой город. Побывать всюду на юбилее невысказано, но то, что я не мог быть в Киеве, нагоняет на меня тоску“³⁴.

Образы Киева конца XIX — начала XX века в творчестве Шолом-Алейхема подтверждают многонациональную специфику города, который не только был родным местом для тысяч русских или украинцев, но также воспринимался таковым многочисленными представителями еврейского народа.

Библиография

- Беленький М., *Его прекрасное имя* (вступительная статья), [в:] Шолом-Алейхем, *Собрание сочинений в шести томах*, т. I, Москва 1988.
- „Двуглавый орел“ 12.03.1912 г., № 63, [в:] электронный ресурс: https://traditio.wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_%D0%91%D0%B5%D0%B9%D0%BB%D0%B8%D1%81%D0%B0 (17.12.2016).
- Егупец: *Городу и Миру* (интервью Михаила Гольда с Мироном Петровским), „Лехайм“ 2008, № 2 (190), [в:] электронный ресурс: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/190/gold.htm> (17.12.2016).
- История русской литературы XX — начала XXI века. Учебник для вузов в трех частях*, ч. I: 1890–1925 годы, под ред. В. Коровина, Москва 2014.
- Конюченко А., *К вопросу о переходе иудеев в православие в дореволюционной России*, „Вестник Челябинского государственного университета“ 2012, № 16 (270).
- Краснящих А., *Шолом-Алейхем*, Харьков 2010, [в:] электронный ресурс: <http://litlife.club/br/?b=212788&p=2> (17.12.2016).
- Красовская А., *Киев — столица проституции...! Конца XIX — начала XX веков*, [в:] электронный ресурс: http://www.chaskor.ru/article/kiev_-_stolitsa_prostitutsii_kontsa_xix_-_nachala_xx_vekov_38192 (17.12.2016).

³⁴ Цит. по М. Беленький, *Его прекрасное имя* (вступительная статья), [в:] Шолом-Алейхем, *Собрание сочинений в шести томах*, т. 1, Москва 1988, с. 19.

-
- Перепись г. Киева 16 марта 1919 г.*, [в:] электронный ресурс: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/8745-perepis-g-kieva-16-marta-1919-g-ch-1-naselenie-kiev-1920#page/7/mode/inspect/> (17.12.2016).
- Пученков А., *Национальный вопрос в идеологии и политике южнорусского Белого движения в годы Гражданской войны. (1917–1919 гг.)*, Санкт-Петербург 2005.
- Френкель А., *Русский писатель Шолом-Алейхем*, „Независимое филологическое обозрение“ 2012, № 114, [в:] электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/114> (17.12.2016).
- Шолом-Алейхем, *Кровавая шутка*, [в:] электронный ресурс: <http://www.borisba.com/litlib/sholom/krovsh.html> (17.12.2016).
- Шолом-Алейхем, *Менахем-Мендл*, [в:] электронный ресурс: <http://www.borisba.com/litlib/sholom/mmendl.html> (17.12.2016).
- Шолом-Алейхем, *С ярмарки*, [в:] электронный ресурс: <http://www.borisba.com/litlib/sholom/shalom01.html> (17.12.2016).
- Электронная еврейская энциклопедия*, <http://www.eleven.co.il/article/13110> (17.12.2016).
- Meir N., *Kiev, Jewish metropolis: A History, 1859–1914*, Bloomington – Indianapolis 2010.